

О РЕЛИГИИ НЕКРЕЩЕННЫХЪ ЧЕРЕМИСЬ И ВОТЯКОВЪ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Религія некрещенныхъ черемисъ и вотяковъ, живущихъ въ Вятской губерніи, есть шаманизмъ. Слово шаманизмъ однакожъ означаетъ всегда только внѣшнюю сторону явленія.

Въ самомъ дѣлѣ, шаманъ входитъ въ сношенія съ высшими силами, которыя благопріятствуютъ человѣку или враждебны ему. Высшія силы, на которыя можетъ дѣйствовать шаманъ, суть не только силы природы вещественной, но и духовныя силы, иногда даже чувствуемыя. Такъ огонь въ одномъ случаѣ почитается какъ богъ, въ другомъ заклинается шаманомъ; и духамъ карателямъ и духамъ покровителямъ шаманъ требуетъ жертвъ, внушая тѣмъ какъ-бы религіозныя къ нимъ обязанности. Но отношеніями къ духамъ шаманскимъ не исчерпывается все содержаніе религіи шаманистовъ. Какъ ни смѣшаны, какъ ни запутаны представленія некрещенныхъ черемисъ и вотяковъ о предметахъ духовнаго міра, несомнѣнно то, что они различаютъ еще болѣе самостоятельныя, хотя и вымышленныя, существа, которымъ подчинены и духи и шаманы, существа какъ бы вполне божественныя, къ которымъ люди питаютъ чувства любви и кроткаго благоговѣнія. Такого рода боговъ множество. Они могутъ быть раздѣлены такъ: 1) боги воздуха, 2) земли, 3) водные боги и 4) наконецъ подземные или преисподніе.

Боги воздуха.

1) Между божествами воздуха прежде всего обращаетъ на себя вниманіе юмо. Слово юмо, или юму, имѣетъ два значенія:

а) Оно есть общее нарицательное имя: богъ, боги, и употребляется для означенія божества, божественнаго существа вообще, соответствуя латинскому deus. Въ такомъ зна-

ченіи издавна употребляютъ его христіанскіе миссіонеры. Они не обвиняя приложили слово это къ единому Богу истинному, иногда съ прибавкою *икте*, единый, *рашь*, истинный. И во множественномъ числѣ для означенія боговъ ложныхъ: *юмо-шамычъ*, *юмовля*, *моло-шоя-юмо*, *весе-юмо*. Такъ же употребляютъ слово это и повокрещенные черемисы, знающіе, безъ сомнѣнія, свой языкъ и въ тоже время чуждающіеся язычества. И некрещенные черемисы даютъ тотъ же смыслъ слову *юмо*, когда прилагаютъ его какъ эпитетъ къ различнымъ своимъ отдѣльнымъ божествамъ: *каба-юмо*, *онь-юмо*, *кюдорчэ-юмо*, и пр.

б) Оно имѣетъ значеніе болѣе опредѣлительное, частное, когда употребляется, какъ собственное имя особеннаго, единичнаго божества. Къ такому заключенію приводятъ слѣдующія соображенія.

Необразованные, дикіе народы часто не имѣютъ выраженій для обыденныхъ абстрактныхъ понятій. Есть племена, кои не имѣютъ ни какого названія для рѣки, но имѣютъ для каждой отдѣльной «рѣки»; никакого слова для «перста», но для большого, указательнаго, и т. д., никакого имени для «ягоды», но для черники, морошки, голубики и т. д., даже «для дерева», но для березы, сосны, жимолости. Не думали они составить и выразить такое высокое понятіе, какъ богъ, въ значеніи общемъ, но для того существуетъ тотъ или другой отдѣльный богъ. Но *юмо* несомнѣнно есть древнѣйшее имя боговъ, которое представляютъ языческія преданія финскихъ племенъ; ибо оно извѣстно не только лопарямъ, финнамъ, эстамъ, зырянамъ, черемисамъ, вотякамъ, но и самодцамъ сибирскимъ. Между тѣмъ прочія божества финскія болѣею частию или незнакомы племенамъ тѣмъ, или извѣстны у нихъ подъ другими именами. Это обстоятельство доказываетъ, что *юмо* первоначально означало не божество вообще, но павѣснаго, опредѣленнаго бога.

Финское слово *юмала* считаютъ одного происхожденія съ словомъ финскимъ *юму*, *юмаусъ*, «громъ»; вслѣдствіе чего думаютъ, что финны словомъ *юмала* первоначально звали бога грома. Для оцѣнки этой интересной гипотезы слово *юмала* нужно подвергнуть подробному этимологическому разбору.

Съ перваго раза видно, что *юмала*, такъ какъ оно состоитъ изъ трехъ слоговъ, не можетъ быть корнемъ, но должно развиваться изъ другаго простѣйшаго, несложнаго корня. Легко замѣтить въ немъ и производственное окончаніе—*ла*, которое въ финскомъ языкѣ означаетъ мѣсто вообще, мѣстопребыванію. По такому производству *юма* есть корень слову *юмала*, и у черемисъ донынѣ употребляется *юма* въ значеніи «богъ». Въ большей части прочихъ, сродныхъ съ финскимъ, языковъ нѣтъ этого корня, и понятіе «богъ» выражается чрезъ производныя формы, какъ то,—въ эстскомъ словомъ *юммалъ*, у лопарей *юбмелъ*, *иммель*, у зырянъ *енъ*. Между тѣмъ и *юма* можно еще не считатьъ первоначальнымъ корнемъ: произносимая гласная *а*, или *о* есть только эвфоническое приложеніе. По свойству языка, согласною *м* не удобно оканчивать слово, и она принимаетъ гласную. Истиннымъ корнемъ *юмала* было бы по этому *юмъ*, названіе, которое по извѣстію недавнихъ писателей, самоѣды придавали богу. Нынѣ въ словарь самоѣдскаго языка названіе это не вносится, но вмѣсто его *пумъ*. Не смотря на различіе звуковъ, въ высшей степени вѣроятно однакожъ, что *пумъ* одного происхожденія съ финскимъ *юмъ* (йумъ), потому что въ самоѣдскомъ языкѣ замѣнъ буквы *й* (или: ерь, ь) буквою *п* не рѣдкость. Слѣд., самоѣдскій *пумъ* есть тоже, что и черемисскій *йумъ*, *юмъ*.

Когда найдено, что слово *юмо* сродно съ финскимъ *юмала*, эстонскимъ *юммалъ*, лапландскимъ *юбмелъ*, зырянскимъ

онь, то слѣдуетъ дознать и то понятіе, какое различныя, численныя племена, вмѣстѣ и самоѣды соединяють съ этимъ словомъ, въ чаяніи получить тотъ или другой намекъ къ проясненію представленія черемисъ о *юмо*. Относительно лопарскаго *юбмелъ* даютъ такое объясненіе: слово это, кромѣ значенія, какое даютъ ему лопари теперь какъ христіяне, соотвѣтствуетъ не столько слову *deus* въ латинскомъ, сколько слову *Jupiter*. Теперь слово это имѣетъ тоже значеніе, какъ финское *юмала*, т. е. имъ означаютъ какъ христіанскаго Бога истиннаго, такъ и всякое языческое божество. Равнымъ образомъ употребляется у эстовъ *юммалъ* и у зырянъ *енъ* для означенія всякихъ боговъ вообще и единаго истиннаго Бога въ особенности. Вслѣдствіе знакомства съ христіанами, и у язычниковъ черемисъ читается *юмо* какъ творецъ и промыслитель міра, податель счастья и благосостоянія, и проч. Такъ и у самоѣдовъ въ понятіи слова *нумъ*, отвѣчающаго черемискому *юма*, уже прибавляются представленія, заимствованныя отъ христіанъ. Многіе некрещенные самоѣды чтутъ въ *нумъ* творца міра и говорятъ, что онъ существо всемогущее, всевѣдущее, съ правдою управляетъ своимъ твореніемъ, защищаетъ невинныхъ, награждаетъ добрыхъ, наказываетъ пороки. Другіе же отдѣляютъ отъ своего *нума* христіанскимъ вліяніемъ приданныя ему свойства, и чтутъ въ немъ собственно небо. Почитаніе неба — или видимаго матеріальнаго неба, или скрывающейся въ немъ силы — было весьма распространено. Китайцы первые покорились этому культу (а черемисы донинѣ называютъ одно изъ своихъ божествъ прямо «китайскимъ богомъ»); по Геродоту, Страбону, многимъ китайскимъ писателямъ и древніе персы приносили жертвы небу. О древнѣйшей религіи монголовъ извѣстно очень немногое, однако же дознаемо, что и они поклонялись небу, подъ именемъ *тэнгри*.

Тунгусы до сего дня почитают *буга* за небесное божество, и большая часть тюркскихъ племенъ отдавали равнымъ образомъ поклоненіе извѣстнымъ семи небеснымъ силамъ, *кудаи*; и о другихъ племенахъ у китайцевъ разсказывается, что они обожали небо. Словомъ, въ предѣлахъ обширной Азіи едвали былъ одинъ языческій народъ, который, сколь ни мало знаемъ мы о его религіи, не почиталъ бы неба и его существа божественнымъ. И не только въ Азіи этотъ культъ былъ господствующимъ, но всѣ дикіе народы всегда были поклонниками природы и изливали свое благоговѣніе предъ всѣмъ пространствомъ небесъ. Ничто въ природѣ не приводило дикаря въ такое изумленію и не внушало столько уваженія, сколько небо съ его солнцемъ, его луною и тысячами звѣздъ. Вѣдь въ небесныхъ же странахъ и громъ гремитъ, и блещутъ огни молніи, и загорается сѣверное сіяніе. Снѣгъ, дождь и градъ, буря и вьюга вмѣстѣ съ другими чудесами природы имѣютъ своего начало изъ горныхъ пространствъ. И многія изъ сихъ явленій столь величественнаго свойства, что шаманы сами, думающіе повелѣвать стихіями посредствомъ чаръ, признаютъ однакожъ свое безсиліе предъ ними. Такъ о громѣ шаманы всегда говорятъ, что заклинать его они не въ состояніи.

Что самоѣды дѣйствительно чтутъ небо, это доказываетъ самый языкъ ихъ, на которомъ одно и тоже слово, *нуль*, означаетъ и богъ и небо. Начало такого словоупотребленія въ томъ, что на небо смотрѣли какъ на существо божественное. Самоѣды однакожъ представляли себѣ небо не какъ нечто мертвое, но какъ живое, личное существо, къ природѣ котораго принадлежатъ производятъ громъ и молнію, дождь, снѣгъ, градъ и вѣтеръ, и проч. Слово *нуль*, такимъ образомъ, означаетъ у нихъ, выражаясь ученымъ языкомъ, и «небо и богъ неба». У самоѣдовъ оба понятія большею

частью не отдѣляются одно отъ другаго, потому что самое небо видимое они чтутъ какъ живое и личное божество.

Кромѣ приведенныхъ значеній слово *нумъ* у самоѣдовъ значить еще «громъ». Въ этомъ значеніи *нумъ* встрѣчается преимущественно у поколѣнія кагмани, камасэнъ, камасинцы. Правда нѣтъ ни одного поколѣнія самоѣдскаго, которое не чувствовало бы силы грома съ особеннымъ благоговѣніемъ, но на это явленіе смотрять они какъ на одно изъ свойствъ неба или небснаго бога. А камасинцы считаютъ громъ особеннымъ божествомъ и для означенія его употребляютъ слово *нумъ*. Возможное дѣлю, что таково значеніе слова первоначальное; и тогда даже, когда сказанное словоупотребленіе явилось бы случайно, должно признать, что гремящее свойство *нума* особенно чтили самоѣды; ибо только такимъ образомъ различныя значенія соединяются въ одномъ словѣ.

И другимъ предметамъ, хотя и рѣдко, даютъ названіе *нумъ*, какъ то: солнцу, въ вечернее моленіе ему; пучинѣ морской: такъ на берегу ледовитаго моря долго и пристально смотрѣлъ самоѣдъ на неизмѣримыя воды и проговорилъ: «нумъ тамъ», указавъ въ темную равнину водъ. Даже землю чтутъ именемъ *нумъ*. Правда, слово это крайне рѣдко употребляется въ столь обширномъ смыслѣ, но что такое употребленіе его дѣйствительно, свидѣтельствуютъ о томъ миссіонеры. И нѣтъ въ томъ ничего неправдоподобнаго, потому что, подобно самоѣдамъ, и большая часть сродныхъ имъ племенъ, еще коснѣющихъ въ язычествѣ, чтутъ небо, землю, воду, солнце, громъ и безчисленные другіе предметы и явленія природы. Различіе состоитъ только въ томъ, что какъ на прочихъ племена поклоняются известнымъ предметамъ съ различными, имъ свойственными, именами, самоѣды на-

противъ любятъ всѣмъ поклоняемымъ предметамъ давать одно имя, *нумъ*. Имѣютъ и они въ своемъ языкѣ особыя названія для земли, солнца, моря, грома и т. д.; но послѣдніи не безусловно заключаютъ въ себѣ понятіе божественнаго существа. Они прилагаются къ сказаннымъ предметамъ преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда они разсматриваются просто какъ мертвые, матеріальные предметы. Когда напротивъ они являются предъ сознаніе какъ божественныя существа, — получаютъ то же названіе, какъ и небо. Такимъ образомъ слово *нумъ* отъ особеннаго понятія неба или небеснаго божества переходитъ къ означенію божества вообще. Въ инскихъ сферахъ понятія такіе переходы въ значеніяхъ словъ очень обыкновенны. Весьма многія племена словомъ «человѣкъ» долго означали только индивидуумъ своего поколѣнія, но когда по наблюденію замѣтили единство человеческой природы у всѣхъ племенъ, слово получило общее значеніе, обнимающее всѣхъ индивидуумовъ—людей. Такимъ же образомъ во многихъ языкахъ имена отдѣльныхъ растений и деревьевъ примѣнены также къ означенію цѣлаго рода. Вслѣдствіе такого общаго явленія въ языкахъ дикарей, у однихъ слово «большой перстъ» получило значеніе «перста», у другихъ слово для *emretum nigum* значеніе «ягоды».

Итакъ имя *нумъ* у самоѣдовъ, *иммельъ* у лопарей, *юмо* у черемисъ означаютъ небеснаго бога, и преимущественно повелителя грома.

У финновъ, прежде, чѣмъ всѣ они обратились къ христіанству, слово *юмала* было и общимъ эпитетомъ боговъ, какъ помен *appellativum*, и означало особое божество, какъ помен *proprrium*.—Въ рунахъ оно склоняется во множественномъ числѣ. Тамъ сказано: отъ боговъ—*юмалоиста*—приходить защита. Рун. 4, ст. 352, стараго изданія Калевалы. Въ ру-

Нахъ не разъ приводится оно какъ эпитетъ для отдѣльныхъ божествъ мужескаго рода, даже для героевъ. Изъ тѣхъ же рунахъ можно привести много такихъ мѣстъ, гдѣ слово юмала взято въ значеніи отдѣльнаго, опредѣленнаго бога. Въ этомъ значеніи юмала иногда принимаетъ прилагательныя: всемогущій, блаженный, милостивый, святой, и другіе подобныя эпитеты, которые очевидно позаимствованы отъ христіанъ. Къ числу такихъ эпитетовъ принадлежитъ вѣроятно и луоя, творецъ, потому что представленій о Богѣ какъ виновникѣ и создателѣ міра, — никакихъ такого рода своихъ представленій финны язычники не имѣли, какъ не имѣютъ ихъ и некрещенныя черемисы и вотяки: они ограничиваются тѣмъ только вѣрованіемъ, что размножить и расплодить извѣстный родъ растеній или животныхъ можетъ тотъ или другой богъ. Судя по тому, какъ изображено твореніе въ рунахъ, юмала не принимаетъ въ немъ никакого участія, но небо и земля, солнце, луна и звѣзды произведены дочерью воздуха, ильматарь. При томъ слово луоя въ рунахъ означаетъ и *раздатель*, *податель*, и вѣроятно въ этотъ смыслъ божества лѣсныя названы антолують, т. е. дароподатели.

Что юмала у финновъ нѣкогда было именемъ особаго языческаго божества, о томъ можно заключать изъ рассказовъ въ древнесѣверныхъ сагахъ: таковы сага короля Олофа и сага Геррауда и Бозе. Такимъ образомъ если, по древнимъ извѣстіямъ, юмала было именемъ знаменитаго въ Біарміи идола, то очень ясно, что имя юмалы выражало не абстрактное понятіе бога, которое доступно только отвлеченію и по крайней мѣрѣ финнами стараго времени или пермяками не могло быть представлено въ формѣ идола. Въ старыхъ финскихъ нѣсняхъ юмала не всегда употребляется какъ эпитетъ, какъ *poimen appellativum*, но встрѣчается и какъ *poimen proprium*, какъ

личное имя. Тогда юмала описывается и какъ небесный богъ. Въ Калевалѣ, рун. 56, ст. 221, юмала именуется исо—илманъ, т. е. господицъ воздуха, вѣтра. Какъ дастъ знать выраженіе илманисо, здѣсь подъ словомъ юмала разумѣется не божество вообще, тѣмъ менѣе Богъ христіанъ, но языческій богъ воздуха или неба.

Съ мольбой о попутномъ вѣтрѣ финны обращались къ юмалѣ. И въ Калевалѣ юмала, какъ пошеп роггіум, получаетъ эпитетъ илмонинъ, юмала въ воздухахъ (вѣтрахъ). Не лишнее обавить къ сему, что и теперь ходячее у финновъ выраженіе юмаланъ илма (воздухъ, вѣтръ юмалы), уже указываетъ на то, что юмала у финновъ никогда не означало каждаго бога, но имѣло определенное значеніе бога неба. Но не каждое божество господствовало въ воздушномъ пространствѣ, но господство въ той странѣ главнымъ образомъ принадлежало одному сильному богу, который назывался юмала. Образъ выраженія тотъ же у большей части племенъ, сродныхъ финнамъ. Подобно выражаются относительно вѣтра самоѣды: напр., танзэръ нумгана, у нума пейгодь.

При вопросѣ о первоначальномъ значеніи слова юмала стоитъ замѣтить то обстоятельство, что многіе ученые, въ своихъ этимологическихъ попыткахъ, корень этого слова искали въ имени, которое значитъ небо или что либо къ нему принадлежащее, какъ—то свѣтъ, громъ, и т. п. И это вовсе не случайно, но основывается безъ сомнѣнія на темномъ представленіи, что юмала во время язычества означало небесное божество. Истинный корень этого слова теперь указываютъ въ окончаніи юль (юму), громъ и отъ сочетанія двухъ такихъ окончаній въ одномъ словѣ думаютъ заключать, что изъ всѣхъ явлений природы раскаты и шумъ грома первыя могли въ дружномъ умѣ такого человѣка вызвать къ жизни представленіе о высшей силѣ.

А. Филимоновъ.

(Продолженіе будетъ.)

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 11.

1868 г.

Июня 1-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

О РЕЛИГИИ НЕКРЕЩЕННЫХЪ ЧЕРЕМИСЬ И ВОТЯКОВЪ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ.

(Продолженіе).

У финновъ въ словѣ юмала встрѣчается аффиксъ—*ла*, который всегда служитъ къ образованію нарѣчія мѣста или мѣстнаго падежа и встрѣчается не только въ финскомъ, но и въ другихъ родныхъ съ финскимъ языкахъ; наприм. въ черемисскомъ *рушъ*, русскій: рушла, по русски, у русскихъ, у русскаго. Спрашивается: что финны думали выразить, придавая къ юма аффиксъ *ла*?—Отвѣтъ простой: если юмъ (юму) значить громъ, то юмала значить мѣсто, страну, гдѣ громъ находится, т. е. небо или совершенно тоже понятіе, какое въ самоѣдскомъ нумъ. Въ финскомъ баснословіи господствуетъ представленіе, что у боговъ есть палаты, хоромы среди просторнаго двора, гдѣ богъ живетъ какъ богатый хозяинъ, или какъ сильный князь. Почти тоже представленіе встрѣчается у лопарей, хотя у нихъ оно означается не мѣстнымъ оконча-

именъ *ла*, а особымъ именемъ *аимо*, наприм. санво—*аимо*, ридина, жилище санво. Клеммъ думаетъ, что такое представленіе у лопарей, слѣдовательно и у финновъ, заимствованное изъ эддъ. Во всемъ ученіи о разныхъ *аимо*, говоритъ онъ, долженъ я признать снимокъ съ германскаго ученія эддъ и съ ихъ различныхъ—хеймовъ (*Muspelheim, Niflheim, Iotunheim*); потому что чародѣи (шаманы) мало соблюдаютъ согласія въ своемъ ученіи и скудную свою обстановку украшаютъ чужими продуктами. (Kllemm, Allgem. Kultur—Geschichte der Menschheit, Bd. 3, s. 76): Но слово юмала ни въ какой степени не напоминаетъ германскаго жилища боговъ; оно происхожденіемъ финское, встрѣчается у различныхъ финскихъ народовъ, и нѣкоторые слѣды мѣстнаго окончанія—*ла* удерживаетъ въ языкѣ такихъ племенъ, которыя не были ни въ какой связи съ племенами германскими, наприм. у вотяковъ, у зырянъ, у черемисъ. У вотяковъ слѣды окончанія *ла* остались въ выраженіи юмалъ *сіонъ*, жертва, собственно ѣда у юмы, юмова пища. У черемисъ юмалъ въ выраженіи: ютъ юмалъ, сѣверъ; кечибалъ юмалъ, югъ, и во многихъ другихъ.

Черемисы, мало того, что населили богами небо и землю, воды и преисподнюю, сверхъ того думаютъ, что у каждого бога, въ его стихіи, есть еще особое жилище; при чемъ нѣкоторымъ божествамъ придали божества женскаго рода съ именемъ матерей, *аба*, и при всѣхъ помѣщаютъ различныхъ слугъ и докладчиковъ. Черезъ однихъ будто бы идутъ людямъ милости и наказанія: они приводятъ въ исполненіе опредѣленія боговъ, производятъ пищу для людей и кормъ для скота; другіе доводятъ до свѣдѣнія боговъ о нуждахъ людей, и проч. Таковы—*пуирше*, *тамбаръ*, и ниспіе чины: *витпала*, *шукла*, *сэрлагыжъ*. Всѣ сіи вымышленныя существа составляютъ семью, домъ и дворъ бога.

Такъ въ особыхъ хоромахъ черемисы помѣщаютъ:

а. Тюня-юмо, небесный богъ. При немъ числятся: 1) аба. При аба состоятъ: витняэ, суксэ и серлагышъ. Нѣкоторые два послѣднія слова: суксэ и серлагышъ соединяють въ одно и толкуютъ это выраженіе: «добрый докладчикъ». Сверхъ аба при тюня-юмо: 2) ипордышъ, при которомъ особые витняэ, суксэ и серлагышъ;—3) шамбаръ и при немъ витняэ, суксэ и серлагышъ, и 4) при самомъ тюня-юмо а) витняэ, б) суксэ и в) серлагышъ.

Въ честь ихъ колютъ двухъ коней, одного быка, корову, барана и утку.

б. Мэръ юмо, богъ вселенной получилъ особое жилище. Въ честь его колютъ лошадей. У него 1) мэръ юманъ аба. Ей даютъ корову. У ней витняэ, шукче, серлагышъ, которыми даютъ утокъ и барана. 2) Мэръ пуйрше. Ему назначается лошадь. При мэръ пуйрше значится витняэ: ему баранъ, суксэ и серлагышъ—утка. 3) Шамбаръ: у него свои витняэ, шукче и серлагышъ. 4) Казначи: ему баранъ и утка. 5) При самомъ мэръ юмо: витняэ, шукче и серлагышъ. Имъ баранъ и утки.

с. Кюдорче юма. Ему лошадь. При кюдорчэ юмо помѣщается 1) шамбаръ—ему быка. При шамбарѣ витняэ, шукче и серлагышъ. 2) При кюдорчэ юмо особые витняэ, суксэ, серлагышъ, Имъ утки.

д. Волгенче юма, которому даютъ лошадь. У него витняэ, шукчэ, серлагышъ. Бываетъ, что божествамъ меръ юмо, кюдорче юмо и волгенче юмо со всѣми причисляемыми къ нимъ существами черемисы молятся всѣмъ вмѣстѣ, и тогда колются четыре лошади, два быка, одна корова и множество утокъ.

е. Каба юма имѣетъ особыя палаты. Ему даютъ лошадь. У каба юмо: 1) аба. При ней витняэ, суксэ и серлагышъ. 2) Пуйрше, которому лошадь. При немъ витняэ, суксэ,

серлагышь. 3) Пямбаръ. При немъ витняэ, суксе, серлагышь. 4) Камачи: ему баранъ и 5) витняэ, шукче и серлагышь при каба юмо; имъ утки.

г. Мландэ аба. Божество женскаго рода. Ей колютъ корову. У ней 1) пуйрше съ витняэ, суксе серлагышь; имъ—барана. 2) Пямбаръ съ витняэ, суксе, серлагышь, имъ быка. 3) Мландэ юмо—ему баранъ; при мландэ юмо свои витняэ, суксе, серлагышь.

г. 1) Кугу серлагышь: ему баранъ. При немъ витняэ, суксе, серлагышь. 2) Тюнямбалъ серлагышь. У него витняэ, суксе, серлагышь. Тюнямбалъ шочень аба. Ей корова, при ней витняэ, шукче, серлагышь. 3) Ильшъ шочень; ему баранъ. Витняэ, шукче, серлагышь; имъ утки. 4) Кугу шочень аба. Витняэ, шукче, серлагышь.

h. Ошъ юмо.

к. Кугужа юмо. У него 1) аба, при которой витняэ, суксе, серлагышь. 2) Пямбаръ съ витняэ, суксе, серлагышь—и 3) Витняэ, суксе, серлагышь.

l. Ошъ (кугужа) юмо.

m. У юмо.

п. Пече мепгке юма, и т. д. каждое божество съ своей семьей или съ подчиненными ему божествами живетъ въ своей странѣ въ особыхъ палатахъ. Представленіе о богахъ вообще чувственное. Такъ будто бы имѣютъ они дѣтей, владѣютъ неисчислимымъ богатствомъ хлѣба, одеждъ драгоцѣннѣйшихъ, лошадей, птицъ, рабовъ.

Сказанное доселѣ о финскомъ юмала приводитъ къ тому заключенію, что слово это у финновъ язычниковъ имѣло тройное значеніе: 1) значило небо, 2) богъ неба и 3) божество вообще. Два первыя значенія соединяются въ одномъ словѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ. Такъ въ китайскомъ *тэнъ* означаетъ небо и вмѣстѣ бога неба. Такое двойное значеніе

въ нѣкоторыхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ имѣеть слово *тэнри*, въ мордовскомъ мокшанскомъ нарѣчій слово *скей*, въ енисейско-остяцкомъ *всв*, и т. д. Въ самоѣдскомъ, какъ уже замѣчено, слово *нумь* имѣеть всѣ три значенія, какъ и въ финскомъ, хотя значенію третье менѣе употребительно у некрещенныхъ самоѣдовъ. Близкое сходство съ финскимъ юмала имѣеть въ своемъ значеніи *тэнри* монгольское, которое по Ковалевскому значить: 1) небо (ciel), и богъ неба (genie du ciel), 2) божество вообще (divinite), 3) всѣ роды добрыхъ и злыхъ духовъ (esprits, genies terrestres et celests, bons et mauvais. Словарь монгольско-русско-французскій, том. 3. стр. 1763.).

Три сказанныя значенія въ одноѣ словѣ показываютъ, что финнъ и самоѣдъ, якутъ и остякъ и многіе татары южной Сибири нѣкогда знали небо только какъ матеріальное видимое небо, потомъ признали его за божество. Но исключительное почитаніе неба мало по малу уступило общему почитанію природы (naturae cultus). Ибо небо со всѣмъ своимъ могуществомъ и великолѣпіемъ есть конечный предметъ, и потому почитаніе его не могло удовлетворять религіозной потребности человѣка. Инстинктивно оцунью ищетъ дикарь безконечнаго, какъ истиннаго предмета своего почитанія. Ежедневный опытъ такъко научаетъ его, что въ природѣ кромѣ небесныхъ явленій есть еще много другихъ вещей, которыя волѣ его не покоряются и желаніямъ его не уступаютъ. Неукротимо лянцятся волны моря, пожирающій пламень огня, земля съ ея высокими горами, темными лѣсами, дикими звѣрами, все это и безчисленныя другія предметы показывали грубому сыну природы, такъ—сказать, свое превосходство и заставляли его падать ницъ. Такъ представленіе о божественномъ расширяется болѣе и болѣе, и число предметовъ обожанія такимъ образомъ путемъ развитія религіи природы легко

дѣлается божественнымъ. «Число боговъ постоянно умножается, говоритъ черемисы: сначала было пять, а теперь, *можетъ-быть, и пять сотъ-ишь*. Но почитаніе изолированныхъ предметовъ природы, хотя бы число ихъ было и неисчетное, не можетъ удовлетворить человѣка. Человѣкъ готовъ всякой разъ предполагать, что въ этихъ разрозненныхъ предметахъ дѣйствуетъ одна и таже сила, что они всѣ исполнены одною и тою же божественною природою. Такое безъ сомнѣнія представленіе заставляетъ самоѣдовъ солнце, землю, море, если они понимаются какъ божества, означать однимъ и тѣмъ же именемъ, которое первоначально принадлежало небу или небесному. По тому же основанію, и въ монгольскомъ языкѣ *тэнри*, въ финскомъ *юмала*, въ черемисскомъ *юмо*, означавшія первоначально небо и бога неба, мало по малу приняли абстрактное значеніе божества вообще. Но съ того времени, какъ послѣднее понятіе приложено къ слову *юмо*, оно мало по малу потеряло свое особенное или конкретное значеніе, и приняты новыя слова для означенія неба и бога неба. Такое слово для неба есть *тюня*, а для небснаго бога *тюня юмо*.

Что слово *юмо* или *юму* у черемисъ имѣло значеніе «неба», на то есть ясныя указанія. Въ прошедшемъ столѣтіи, отецъ Дометій и кукарскій преображенскій діаконъ Іоаннъ въ своемъ черемисскомъ словарѣ (рукопись 1750—1760 годовъ, въ четвертку) писали: «небесный» по ихъ по черемисскому приходитъ: *юмоштэ*, съ небесь—*юмуецень*, небесные жители—*юмушто илише шамецъ*, небо—*юму*. Доньшѣ *юмо*, *юмалъ*, *юмонъ* какъ приставки встрѣчаются у черемисъ въ описательныхъ выраженіяхъ о предметахъ и явленіяхъ, относящихся къ видимому небу. Таковы выраженія: *юмонъ шюдуръ*, звѣзды; *кочвалъ юмалъ*, югъ; *ютъ юмалъ*, сѣверъ; *ютъ юмалъ мардамъ*, сѣверный вѣтеръ; *юмуиъ шулоиъ*, собственно дыханіе неба: воздухъ.

За тѣмъ самыя обыкновенныя значенія слова *юмо* (*юму*) суть: 1-е богъ вообще и 2-е богъ небесный. Когда второе значеніе при первомъ дѣлается неяснымъ, тогда небесный богъ опредѣлительно называется *тюня юмо*.

А. Филлимоковъ.

(Продолженіе будетъ)